

Глава 3. Уговаривать людей встать на путь бессмертия. Перенос родовой могилы

— Старший брат Сун, не бойся. — Мэн Хэцзэ, лёгкий и стремительный, будто ласточка над водой, одним рывком подхватил Сун Цяньцзи и закинул себе на спину. — На этот раз я тебя спасу!

То, что прежде казалось неприступной отвесной скалой, вдруг стало проходимым, словно ровная дорога.

Даже сам Мэн Хэцзэ не ожидал, что в минуту смертельной опасности у него внезапно прорвётся скрытый потенциал и он сумеет применить технику лёгкого тела, которой только что научил его Сун Цяньцзи.

Чем глубже становилась ночь, тем сильнее выл ветер; стрёкот насекомых и звериный рёв не смолкали ни на миг.

Во второй половине ночи небо затянули тучи, закрыв луну.

Лес шумел, как бушующее море. Глухо прокатился гром, и вместе с ночным ветром налетели холодные дождевые нити.

Сквозь морозящий дождь чёрная тень несла на спине другого человека; при каждом прыжке вниз срывались камешки, клубилась пыль.

Сун Цяньцзи прошёл путь от потрясения до немоты.

Вот уж правда — оплошал.

Этот парень ещё не успел хлебнуть всех прелестей мира культивации; образцовый юноша, да ещё с поразительно сильным чувством долга.

В прошлой жизни, помимо меча и ковки артефактов, Сун Цяньцзи славился ещё и тем, как умел спастись бегством и восстанавливаться после ран. Но сейчас он не мог применять исцеляющие техники, оставалось лишь позволить Источнику Бессмертия в его внутреннем мире понемногу залечивать повреждения. Иначе выздоровление пойдёт слишком быстро, Мэн Хэцзэ что-нибудь заподозрит, а если об этом узнает Школа Хуавэй, жди новых неприятностей.

Раз уж Сун Цяньцзи не собирался убивать свидетеля, значит, и выдать себя он не мог.

Значит, спуск с горы и жизнь земледельца придётся пока отложить...

— Наверху, на краю утёса, люди дьякона Чжао наверняка уже выставили стражу. Идём вниз, — сказал Сун Цяньцзи. — Двигайся туда, куда я скажу.

— Хорошо! — Мэн Хэцзэ верил ему безоговорочно.

Ночной дождь моросил без конца, каменная стена стала скользкой и опасной, но шаг Мэн Хэцзэ оставался уверенным.

Под дождём он донёс Сун Цяньцзи до пещеры, нырнул внутрь и, вытащив огненный талисман, осветил окрестности.

Внутри всё было затянуто пылью и паутиной, но на полу валялись обломки костей и сухая трава — видно, когда-то это было логово зверя, давно заброшенное.

Мэн Хэцзэ проворно развёл костёр, расчистил сухое место и соорудил мягкую подстилку из травы, чтобы Сун Цяньцзи мог на неё опереться и отдохнуть.

Едва управившись, он хлопнул себя по лбу:

— Плохо дело! Я забыл твой кинжал. Схожу за ним!

Сун Цяньцзи лениво развалился на травяной куче и махнул рукой:

— Не надо. Лезвие уже в зазубринах, теперь он всё равно ни на что не годен.

— Я найду тебе мастера-оружейника, пусть починит!

Сун Цяньцзи озадаченно посмотрел на него:

— У тебя есть духовные камни?

— Я... я... — Мэн Хэцзэ замялся, смущённый и приунывший.

Сун Цяньцзи расхохотался:

— Ну нет у тебя денег — и что с того? Ничего постыдного!

Для ученика внешней школы даже одна-две единицы оружия с вырезанными рунами, кое-как дотягивающие до звания «магического артефакта», уже были редким и драгоценным имуществом. Мэн Хэцзэ подумал: за одну эту ночь у старшего брата Суна пострадала правая

рука, которой он держал меч, да ещё и кинжал для самообороны пришёл в негодность. Слишком жалкое зрелище.

Он стиснул зубы, полез за пазуху, достал какой-то предмет и вложил его в руку Сун Цяньцзи.

— Старший брат Сун, возьми это. Дарю тебе. Носи — для твоих ран будет полезно.

Вещь оказалась гладкой, тёплой, приятно тяжёлой. Сун Цяньцзи опустил взгляд.

Это был браслет из красного духовного нефрита с белой кисточкой у застёжки. Восемнадцать бусин, прозрачных и тепло поблёскивающих, в свете костра отливали густым тёмно-алым сиянием, словно внутри по ним текли тонкие кровяные прожилки.

На двух центральных бусинах были вырезаны древние иероглифы.

Сун Цяньцзи прочёл вслух:

— «Чжэн»... «Сянь»?

— Моё второе имя — Чжэнсянь. До того как я пришёл в Школу Хуавэй, я жил на континенте Тяньнань, в уезде Цинлу. Дома меня звали Мэн Чжэнсянь.

Мэн Хэцзэ застенчиво улыбнулся и, не тая от Сун Цяньцзи ничего, продолжил:

— Когда я был маленьким, я однажды встретил буддийского монаха. Он сказал, что у меня есть корень мудрости и я смогу культивировать. Эти чётки из духовного нефрита мне подарил как раз тот мастер, велел потом разыскать его в Храме Небесных Врат. Но что интересного в том, чтобы брить голову и становиться монахом? Вот я и сбежал сюда, в Школу Хуавэй, искать бессмертный путь.

Сун Цяньцзи, не отрываясь, смотрел на нитку бус:

— Континент Тяньнань, уезд Цинлу, фамилия Мэн, второе имя Чжэнсянь... и ещё монах...

Слишком знакомая вещь. Слишком знакомое имя и происхождение.

Он невольно выпрямился и заново оглядел Мэн Хэцзэ. Юноша ещё не вытянулся окончательно, но спина у него уже была прямая, как сосна. Черты лица — чистые, ясные, взгляд — твёрдый, только в бровях ещё жила детская мягкость.

И вдруг его словно пронзило озарение.

В тот же миг по спине Сун Цяньцзи пробежал холодок: праведное юное лицо наложилось в памяти на другое — демонически прекрасное, пугающе чуждое.

Он вздрогнул и выпалил:

— Ты — Нечестивый Будда!

Мэн Хэцзэ опустил голову, глянул на себя и растерянно переспросил:

— Я... какой?

Сун Цяньцзи всё ещё не мог поверить и пробормотал себе под нос:

— Ты — Мэн Чжэнсянь.

Мэн Хэцзэ и есть Мэн Чжэнсянь. В прошлой жизни первой ступенькой, с которой Сун Цяньцзи столкнул человека в пропасть, оказался будущий величайший владыка тёмного пути, первый демон мира культивации спустя семьдесят лет — Мэн Чжэнсянь Радости.

Сун Цяньцзи захотелось ткнуть пальцем в небо и разразиться бранью.

Ах ты, старый вор-небосвод. Я-то решил, что, вернув мне Источник Бессмертия, ты, выходит, совесть обрёл?

А ты, оказывается, просто приберёг главный удар и ждал меня здесь!

— Так меня назвали отец с матерью. — Мэн Хэцзэ смущённо потёр нос. — Если подумать, я давно их не навещал. Вот попаду во внутреннюю школу — и вернусь домой уже со славой.

Сун Цяньцзи уставился на него:

— У тебя ещё и родители живы? Сколько тебе лет?

— Четырнадцать! — Мэн Хэцзэ сразу расплылся в улыбке. — Старший брат Сун, ну ты и шутник. Я же не из камня выскочил — кто рождается без отца и матери?

Нет, не шутник, подумал Сун Цяньцзи. По слухам, в шестнадцать Мэн Чжэнсянь собственными глазами увидел, как вырезали всю его семью; тогда он и обезумел, свернув на тёмный путь.

Сейчас до этого ещё два года.

Сейчас у тебя оба родителя живы.

В прошлой жизни твоя техника называлась «Радостный Чань», а радости в тебе не было ни на грош.

Чуть что — убивал. Холодный, мрачный, никогда не улыбался, будто весь мир задолжал тебе десять миллионов духовных камней — да ещё уже сто лет как не отдаёт.

На фоне бездонно падшего тёмного культиватора Мэн Чжэнсяня даже странствующий одиночка Сун Цяньцзи выглядел человеком высоких нравов.

А если говорить о смерти, то Мэн Чжэнсянь погиб ещё страшнее него. Сун Цяньцзи, взорвав себя, хотя бы умер быстро и чисто. Мэн Чжэнсянь же приняли на тысячу лезвий.

Оставшееся после него наследие потом досталось Вэй Чжэньюю.

Спаситель забрал его артефакты, но не стал практиковать эту порочную технику, что гналась лишь за скоростью. Вместо этого он очистил её от шелухи, сохранил суть и превратил в подлинное божественное искусство.

В груди Сун Цяньцзи поднялось странное чувство — будто они оба были лишь расходным материалом судьбы.

Он кивнул:

— Ты прав. Я и правда повёл себя странно.

Никто не рождается без родителей. И никто не рождается демоном.

В этой жизни Мэн Чжэнсянь ещё зовётся Мэн Хэцзэ. Его не столкнули в пропасть, и беда истребления семьи ещё не настигла его.

Злая воля судьбы лишь пустила росток; все несчастья ещё не произошли.

Мэн Хэцзэ, заметив на его лице сложное выражение, немного подумал и искренне извинился:

— Старший брат Сун, прости. Я забыл, что ты сирота. Сказал лишнее и ранил тебя словами — недостойно благородного человека.

— Хе-хе. — Сун Цяньцзи выдавил улыбку. — Ничего.

Повелитель тёмного пути толкует ему о каком-то благородстве. Мир окончательно сошёл с ума.

Когда Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ укрылись от дождя в пещере, дьякон Чжао зажёл глазурованную лампу, сел у окна и поставил чайник.

Будь ты заклятый враг или лучший друг — пока живёшь в Школе Хуавэй, один и тот же весенний дождь тебе всё равно не миновать.

Сначала ночной дождь лишь тихо шелестел, дробясь о лесные кроны, будто голодные шелковичные черви грызли листья тутовника.

Но вскоре ливень усилился: в ручьях и речках поднялась вода, заревели водопады. Дождь застучал по тысячам карнизов и десяткам тысяч черепичных крыш — то тише, то громче, словно музыкант выбивал ритм по глиняным сосудам.

Дьякон Чжао слушал дождь и варил чай.

Окно было приоткрыто, и холодный ветер вместе с дождём врвался внутрь, заставляя пламя в жаровне под чайником дрожать и метаться.

Сквозь жемчужную завесу дождя чернеющие силуэты гор Школы Хуавэй таяли во мгле и казались ещё более высокими, дальними и молчаливыми.

Зал Дьяконов располагался на середине горы, и дьякону Чжао одному принадлежала целая пятиэтажная башня.

Такая честь была во всём Зале Дьяконов лишь у него.

Склонившись у окна, он мог обозревать долину внизу, где теснились низкие домишки.

Там жили ученики внешней школы: серые крыши и белые стены безропотно терпели ветер и дождь, а в маленьких окнах тускло мерцали редкие огоньки.

Вдруг несколько белых журавлей взмыли в небо. Даже под дождём их полёт оставался изящным и гордым.

Эти ездовые птицы были вовсе не простыми тварями. За ними ежедневно ухаживали особые слуги; их кормили алыми плодами и поили духовной водой. Жили они лучше, чем многие ученики внешней школы.

Бессмертные журавли поднимались всё выше и выше, пока не скрылись среди дворцов на горных вершинах.

Там, над тёмными дождевыми тучами, жили их хозяева — ученики внутренней школы, старейшины и великие мастера. Они купались в лунном свете и сиянии звёзд, будто в небесных чертогах, недостижимых для смертных.

Высота и низость всегда относительны.

Когда Чжао Юйпин в детстве вошёл в Школу Хуавэй, старшие в семье сказали ему лишь одну фразу:

«Знай своё место».

Этому он верил всем сердцем.

Он происходил из семьи Чжао уезда Цинъань на континенте Тяньбэй — пусть и лишь из боковой ветви.

Он культивировал в Школе Хуавэй, каждый месяц получал духовные камни и пилюли — пусть и всего лишь как дьякон, управлявший делами внешней школы и прислуживавший внутренней.

Но и этих двух обстоятельств хватало, чтобы стоять выше бесчисленных мелких рыбёшек как в мире смертных, так и на самом дне мира культивации.

Камень, упавший с горы ему на голову, был для него исполинской вершиной, подпирающей небеса.

Но стоит ему самому лишь дохнуть на ученика внешней школы — и для того это уже будет буря и ливень.

— Дьякон Чжао.

В комнату вошёл молодой дьякон, остановился в пяти шагах и тихо окликнул его.

Чжао Юйпин опустил взгляд на чайный настой:

— Говори.

— Этот недостойный сопровождал Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ к Утёсу Разрушенной Горы. Всё вышло в точности, как вы и предполагали. Вещественное доказательство уже добыто.

Обеими руками он поднял белый нефритовый диск и почтительно поднёс его.

Чжао Юйпин бросил ещё одно короткое слово:

— Показывай.

Кольцеобразный нефритовый диск вспыхнул, луч света ударил в воздух и сгустился в изображение. Пусть смутно, но лица Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ можно было различить.

Чжао Юйпин лениво приподнял веки и бросил взгляд:

— Довольно.

Молодой дьякон поспешно убрал Нефритовый диск, хранящий изображения, к себе, словно прятал при себе целое состояние. Не каждый день выпадал случай прикоснуться к столь дорогому артефакту — жаль только, что использовать его позволялось лишь однажды.

Он подобострастно улыбнулся:

— После того как Сун Цяньцзи столкнул Мэн Хэцзэ вниз, он ещё выругался одним словом. Наверное, чем-то грязным. Я не стал это записывать — не хотел оскорблять ваш слух.

Чжао Юйпин откинулся назад и удовлетворённо улыбнулся. Наконец он перестал отвечать односложно:

— О, значит, он уже пожалел. Но что толку жалеть? Стоило ему сделать первый неверный шаг — и впереди только гибель без возврата.

Молодой дьякон поспешно сложил руки в почтительном приветствии:

— Вы поистине прозорливы. Он и вправду пошёл за Мэн Хэцзэ и прыгнул следом. Это уж точно гибель без возврата!

— О, он пошёл за... кем? Что?! — Чжао Юйпин резко вскочил, лицо его исказилось. — Что ты сказал?!

Чайная утварь опрокинулась, белоснежный рукав залило настоем, а дорогая глазурь со звоном разлетелась по полу.